

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ТАССОВЦА

На торжественное чествование Николая Григорьевича Махаринца в Тулу выезжала представительная делегация из ИТАР-ТАСС. С наградами, подарками, чтобы от имени всех тассовцев поздравить коллегу-юбиляра.

Хроника столетней жизни

Согласно статистике ООН, долгожителем считается человек, проживший более 90 лет. В списках ветеранских организаций агентства ИТАР-ТАСС фамилии долгожителей пишутся с красной строки, мы их знаем наперечет. Но вот звучит фамилия из этого списка – МАХАРИНЕЦ и в ответ недоуменный взгляд собеседника: кто такой? Оно и понятно. Большинство ветеранов живет среди нас, в Москве Они на Тверском – частые и желанные гости. А Махаринец живет в Туле. Изредка в «Тассовце» появляются его письма в редакцию, по круглым датам печатаем именные поздравления в его адрес. Но всего этого мало, чтобы коллеги молодого и среднего поколения обратили внимание на этого уникального человека.

Сегодня повод представить его. Да еще какой! Небывалый повод рассказать о Махаринце Николае Григорьевиче: 20 февраля ему исполнилось 100 ЛЕТ!

КОРНИ

В метрической книге церковного прихода села Кривой Рог (Екатеринославская губерния) сохранилась запись о рождении 20 февраля 1912 года младенца Махаринца Миколы сына Григория. Первого сына (!) среди семерых дочек. Григорий Степанович был рудокопом. Чтобы побольше заработать на такую ораву, часто рисковал в забое, поэтому рано ушел из жизни. Семья стала бедствовать, потом просто нищенствовать. Колю под материнские слезы отправляли с котомкой побираться Христа ради. Затем вынуждены были отдать в детский приют. Повезло, что через некоторое время появился отчим, который принял на себя материальные заботы о Махаринцах и забрал мальчика из приюта.

Отчим, сам шахтер-забойщик, определил Николая учиться на проходчика по железной руде. Полтора года юный Коля Махаринец проходил горняцкую закалку. А в 1931 году по комсомольской путевке был направлен на строительство знаменитого Криворожского металлургического комбината. Строил и тянулся к тетрадке. Первые свои заметки публиковал в многотиражке комбината, которая называлась как главная оперативная задача того времени «Темпы решают». Автора заметили и в городской газете «Красный горняк». Сначала Николай был рабкором, а вскоре взяли в штат.

ОБРАЗОВАНИЕ

В газете у Махаринца «прорезался» литературный талант. Забилась общественная жилка. Но грамотности, культуры явно не хватало. Ведь из систематического образования за плечами у заведующего отделом промышленности была лишь церковно-приходская школа. А парень рвался к знаниям. И «Красный горняк» решил: «падать – так с коня», и направил Николая учиться в Ленинградский институт журналистики. Но абитуриент он был слабенький. Тогда на деньги редакции наняли учителей для его предвузовской подготовки и целый год платили им немалые деньги. Считали, что будущий специалист того стоит. Не ошиблись. Махаринца зачислили в студенты, он настолько успешно двигался от сессии до сессии, что с получением диплома о высшем образовании по специальности «журналист» был направлен

на работу в престижный ТАСС.

НАЧАЛО

Приказ по агентству о приеме на работу Н.Г. Махаринца датирован 1 сентября 1940 года. Начал он свою тассовскую биографию собкором по Челябинской области, в которую тогда входил и Курганский район. Выходит, для освещения событий новичку сразу доверили огромную территорию. С обязанностями он справился. Об этом можно судить хотя бы по тому, что вскоре его назначили ответственным за передачу информации из Литвы.

НАШЕСТВИЕ

Приведем рассказ самого Махаринца о первых месяцах фашистского нашествия (запись 2008 года):

– За двенадцать дней до начала войны я с женой и годовалой дочкой приехал в Каунас. Этот крупный город на Немане, километрах в девяноста от германской границы, был в 20-40-х годах столицей Литовской республики. Мне хотелось поскорее освоиться на новом месте работы. Сразу по приезде я побывал в республиканском министерстве сельского хозяйства и сделал свою первую информацию из Литвы о ходе полевых работ. Как позже узнал, её опубликовали «Известия» накануне 22 июня. На рассвете того дня нас разбудили взрывы, началась бомбежка. Я сразу же отправился в Литовское телеграфное агентство, руководителем которого был наш товарищ, присланный из ТАСС. Фамилию его, к сожалению, уже не помню. Обстановка была неясная. Никто толком не знал, что происходит, хотя многие догадывались: это нападение фашистской Германии. Он распорядился готовить отклики, потом по радио началось выступление Молотова, и нам предложили участвовать в написании обращения к литовскому народу. Тут как раз в ЦК сказали, что надо отправлять специальным поездом семьи ответственных работников республики. Поскольку машина у агентства была, я усадил в нее жену и дочь – и на вокзал. Ближе к вечеру 22 июня поступила команда: выбираться из Каунаса автотранспортом. Мы

на машине агентства, стареньком «форде» еще первых выпусков, влились в большую автоколонну автобусов, легковушек и грузовиков, которыми уезжали сотрудники аппарата ЦК, правительство, Верховный совет Литвы.

Утром 23 июня колонна двинулась в путь. А мы остались: молоденький шофер, который только-только отслужил в армии, никак не мог завести машину. В общем, колонна ушла, а мы стоим. Место там такое ровное, дорогу на запад до горизонта видно. Стоим и смотрим: не дай бог, вдали покажутся немецкие мотоциклисты. Тогда придется уходить в лес. Ехали мимо литовские милиционеры, попытались нам помочь, но завести наш «фордик» так и не сумели – уехали. Потом другая машина взяла нас на буксир, протащила немного – и мотор заработал.

Помчались к Двинску. У моста перед городом опять попали бомбежку, но удачно проскочили. В городе остановились возле универмага, превращенного в сборный пункт, – там масса народу была. Руководитель наш пошел выяснять обстановку и надолго пропал. Ожидая его, мы то выходили смотреть воздушные бои над городом, то прятались от бомбежки... Вернулся он часа в три ночи и сообщил, что надо немедленно уезжать: немцы обходят Двинск. Мы на своей машине поехали в город Западная Двина. По дороге нас часто останавливали, проверяли документы, но пропускали. В Западной Двине остались «без колес». Шофера забрали в армию, руководитель наш сдал машину по акту, и мы получили билеты на московский поезд.

До столицы добирались довольно долго. Приехали где-то 4 июля. Помню, в поезде часов в шесть-семь вечера слушали по радио повтор речи Сталина. Вскоре по вагонам началась проверка документов. Ко мне вопросов не возникло – бумаги о направлении в Литву были совсем свежие. А вот руководителя нашего чуть не задержали, но потом разобрались, и все обошлось. У него на московской квартире я и прожил пару дней, пока решался вопрос, куда меня направить. Выпало – в Сталинград.

СТАЛИНГРАД

На ленту агентства, в сводки Совинформбюро требовалась разнообразная информация о ходе мобилизации, жизни прифронтовых областей, переводе экономики на военные рельсы. Сталинград тогда был символом для всей страны. В десятках и сотнях заметок, репортажей, бесед, экстренных сообщений, переданных в столицу из Сталинграда – и когда он был тылом, и когда стал фронтом, – отражалась вся походная жизнь Николая Григорьевича той поры. Служебная машина корреспонденту ТАСС не полагалась. Поэтому в южную часть города, вытянутого вдоль Волги на 60 километров, Николай Махаринец добирался рабочим поездом, в северную – трамваем, а по области колесил на попутках. Сплошь и рядом под бомбежками и обстрелами. В конце августа 42-го немцы прорвались к Тракторному заводу. Махаринец с корреспондентом «Известий» чудом тогда перебрался на другой берег Волги. Военный корабль-тральщик снял их с горящего причала.

Николай Григорьевич не стрелял во врага, он даже оружия не имел. Он постоянно собирал факты, писал о событиях на линии фронта, у передовой, за передовой, о тяжелых следах войны. Он был в Сталинграде боевым корреспондентом военного времени, военкором популярных газет.

Из датированного 43-м годом письма председателя Сталинградского областного союза работников печати Н. Сказина на имя ответственного руководителя ТАСС Я.С. Хавинсона: «Перед осадой города Н.Г. Махаринец эвакуировал жену с детьми в тыл, а сам остался в Сталинграде. Только после массированных налетов вражеской авиации переехал с коллективом «Сталинградской правды» за Волгу во временный областной центр – Николаевку. Большую часть времени тов. Махаринец проводил в прифронтовых районах. В январе «Сталинградская правда» выделила группу лиц во главе с военкором тов. Ульевым для издания газеты в Сталинграде. Здесь тов. Махаринец крепко помогал нашим товарищам и работал сутками без сна и отдыха. Не случаен и тот факт, что в центр Сталинграда тов. Махаринец вошел вместе с передовыми частями Красной Армии».

Председатель областного союза работников печати ходатайствовал перед руководством ТАСС о награждении Н.Г. Махаринца медалью «За оборону Сталинграда». Предложение о награде в своем письме поддержал и военный корреспондент А. Ульев: «Николай Махаринец мужественно, активно помогал выпускать в дни осады городское издание «Сталинградской правды». Любопытно, что на этом ходатайстве о награждении тассовского корреспондента медалью Яков Семенович Хавинсон сделал пометку: «Полагаю, что орденом Красной Звезды». Выдали медаль. Нам кажется: скуповато, а Махаринец сказал как-то про свою медаль «За оборону Сталинграда»: «Люди с золотой Звездочкой и то уважительно смотрят...».

ГОРОДА И ГОДЫ

После Сталинграда было много других городов, которым Николай Григорьевич отдал трудовые годы и десятилетия. Вернемся к воспоминаниям Махаринца:

– В начале последнего военного года направили в Варшаву. Давал информацию не только из недавно освобожденной польской столицы, но, пользуясь знанием языка, много ездил по стране, общался с населением, познал его благодарность к русскому солдату-освободителю. В конце 1944-го перебросили на несколько месяцев в Ригу – ответственным за передачу сообщений ТАСС из Прибалтики. Самое памятное событие того времени – участие в освещении одного из первых в стране процессов над военными преступниками – семёркой прибалтийских генералов-фашистов, в том числе бывшего генерал-губернатора, приговоренных к смертной казни через повешение.

Потом опять Сталинград, до 1950-го. Собкора ТАСС поселили в первом восстановленном четырехэтажном здании – знаменитом «доме Павлова». При случае Махаринец не упускает возможности заметить, что маршал В. Чуйков утверждал в мемуарах: потери гитлеровцев, безуспешно пытавшихся занять этот дом, превысили все их потери при наступлении на Париж. Память о «доме Павлова» хранит и трагическую зарубку на сердце ветерана:

возле дома погиб сын, подорвался на mine, оставшейся после боев.

Затем – Прага, Москва, Тула. В оружейной столице России Махаринец «отсобкорил» 12 лет. А общий тассовский стаж Николая Григорьевича – 35 лет. Выйдя на пенсию, продолжал писать на ленту агентства, в центральную прессу, стоял у истоков рождения областной газеты «Тульская правда». Почти официально «по вредности для здоровья» профессия журналиста приравнена к профессиям шахтеров-забойщиков и летчиков-испытателей, чей век недолог. А Махаринец при огромных профессиональных и жизненных перегрузках дожил до ста лет. Как там оформляется заявка в Книгу рекордов Гиннесса?!

Несколько дней назад мы связались по телефону с Тулой. Голос Николая Григорьевича звучал как из соседней комнаты, но, главное, он был бодрым, временами даже задорным. А ведь до столетия оставалась всего неделя. Не про таких ли образцовых долгожителей в древности говорили, что «крепость их не истощилась»? Секрет долголетия – не какая-то хитрость долгожителей. Юбиляр много кое-чего нам на эту тему порассказал.

На торжественное чествование юбиляра в Тулу выезжала представительная делегация из ИТАР-ТАСС. С наградами, подарками, чтобы от имени всех тассовцев поздравить дорогого Николая Григорьевича со столетием славной жизни.

Виктор ДЮНИН

Людмила МАКСИМОВА

Газета «Тассовец»